
И. Л. Андреев

**О ХАРАКТЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА
ОТ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ
К КЛАССОВОМУ ОБЩЕСТВУ**

Одна из величайших научных заслуг Ф. Энгельса заключается в установлении того, что процесс возникновения классов и государства в ходе развития производительных сил и производственных отношений связан со сменой кровнородственных связей населения территориальными. Более того, несмотря на скудность и фрагментарность исторических материалов того времени (Энгельс неоднократно сетовал на это, полагая, что детали его концепции уточняют исследователи будущего), автору «Происхождения семьи, частной собственности и государства» удалось зафиксировать заключительный этап сосуществования, взаимопереплетения родовых и территориально-экономических связей.

Современный уровень науки, а главное — накопленный ею гигантский конкретный материал, освещающий как более ранние пласты истории Средиземноморья, так и историю социального развития народов других регионов, позволяет вернуться к сюжету, в основных чертах рассмотренному Ф. Энгельсом. Такое обращение к теоретическому наследию великого мыслителя представляется достаточно актуальным. Оно вновь подтверждает методологическую плодотворность марксистской теории исторического процесса, позволяющей вскрыть и материалистически объяснить движущие силы и особенности общественного развития тех народов, которые веками третировались буржуазной историографией как «неисторические» и т. п. Кроме того, современный материал позволяет дополнить в ряде звеньев выработанную Энгельсом концепцию смены первобытнообщинного строя классовым обществом, детализировать ее. Такая детализация достигается путем специального рассмотрения эпохи разложения первобытнообщинного строя, когда в рамках возрастных классов, мужских союзов, тайных ритуальных обществ зрели предпосылки будущей территориальной организации населения.

* * *

Процесс распада первобытнообщинного строя можно проанализировать в плане взаимодействия различных систем общественной организации и социального контроля.

Дело в том, что характеристика социальных структур этой переходной эпохи как родо-племенных и тем более кровнородственных не является исчерпывающей. Есть основания предполагать, что уже с глубокой древности родственные отношения имеют своим «противовесом» некий принципиально иной тип социальных связей населения. Однако подавляющее большинство исследователей, включая Л. Г. Моргану, изучало именно систему кровнородственных связей и барьеров. «Окаменев» в обычаях и преданиях, будучи предельно инертной и формализованной,

архитектоника форм родства настолько бросалась в глаза, что казалась исчерпывающей, и на многие десятилетия скрыла от исследователей противоположную тенденцию развития общественной организации и социального регулирования. Между тем такой подход объяснял главным образом устойчивость социальных систем этой эпохи, объективно затрудняя исследование внутренних противоречий процесса движения к классовому обществу.

Кровнородственная организация общественной жизни и социального регулирования достаточно хорошо описана в многочисленных источниках, а потому речь о ней будет идти лишь в плане сравнения с противоположными ей функционально-корпоративными структурами. На первых порах эти структуры проявляют себя как поло-возрастная организация, близкая кровнородственной по формам и даже по терминологии.

В принципе такая организация зафиксирована уже давно в виде возрастных «братств», мужских и женских союзов, а также тайных ритуальных обществ и часто трактуется как элемент кровнородственной организации. По наблюдению же Ж. Сюре-Канала, возрастные классы, изученные им в Тропической Африке, представляют собой форму организации, «перпендикулярную» к семейно-клановой структуре, поскольку «они группируют мужчин, а вместе с ними и женщин в ассоциации, соответствующие различным поколениям. Семейные связи и принадлежность к семье не имеют в этих обществах никакого значения»¹.

Однородные возрастные группы, «коллективы ровесников», получили в этнографической литературе название «возрастных классов». Члены этих групп у ряда народов «всю жизнь считают себя побратимами и даже близнецами»². Последнее обстоятельство, а также то, что возрастные братства, пройдя обряд инициации, получали «единое» новое имя (отличное от родового, но аналогичное ему), определенные отличительные знаки в виде татуировки, шрамов и т. п. и были связаны обычаем взаимопомощи, не оставляют сомнений относительно их теснейшей взаимосвязи с кровнородственной организацией и своеобразного «подражания» ей. На этом основании возрастные классы можно рассматривать как нечто производное от кровнородственных связей. Между тем в этнографической литературе встречается и противоположная точка зрения, высказанная 70 лет назад Г. Шурцем. Согласно ей, «организация родства заменила первоначальный порядок деления возрастных групп», «матриархальное общество противопоставляет принцип кровного родства делению на возрастные группы»³.

Объективной основой выделения и обособления поло-возрастных групп является разделение труда. Возраст и пол достаточно жестко определяли место и роль индивида в производстве и общественной жизни, и тем самым обуславливали значительную общность задач и интересов у однородных поло-возрастных групп. Именно в этих группах молодежь усваивала (до семейного воспитания было еще весьма далеко) производственный и социальный опыт своей родо-племенной общности. Братства совместно выполняли тяжелые и громоздкие хозяйственные работы, выступали против врагов, проводили праздники и состязания. Возрастные группы стариков выполняли функцию социальной памяти коллектива.

Конкретная специализация функций возрастных групп тесно связана с характером хозяйственной деятельности в специфических природных и социальных условиях. В Западном Судане возрастные братства, по мнению Л. Е. Куббея, «не в последнюю очередь создаются как организации для совместной работы в земледелии. Первоначальное назначение их в этом смысле заключалось в обработке полей будущих или настоя-

¹ Ж. Сюре-Каналь, Прогресс и община, «За рубежом», 1966, № 49, стр. 24.

² А. Б. Летнев, Деревня Западного Мали, М., 1964, стр. 40.

³ Г. Шурц, История первобытной культуры, вып. 1, М., 1923, стр. 143, 146.

ших родственников жены и в хозяйственной взаимопомощи. Однако очень скоро выявилось и другое использование этих объединений: они поставляли барщинников по требованию или верховной власти или местных вождей, по-видимому, прежде всего для ирригационных работ»⁴. Такими специализированными возрастными группами руководили представители общинной верхушки.

В Юго-Восточной Африке юноши, собранные по возрастным группам в военные краали, «действовали и как армия, и как полиция, и как рабочие отряды»⁵. В период объединения сотен мелких кланов нгуни под эгидой Чаки — главы клана Зулу — совершается переход от групп однолеток, сражавшихся в рядах своего клана, к регулярным военным полкам. «Когда подданных, — рассказывает А. Т. Брайнэнт, — стали насчитывать не сотнями, а многими тысячами, возникла необходимость и в новой организации населения. Молодежь одного и того же возраста независимо от того, к какому клану она принадлежала, стали объединять в большие группы под прежним названием „амабуто“ — в роты или подразделения по несколько сот человек в каждом. Их единственным назначением было ждать приказа властелина и выполнять то государственное дело, которое будет на них возложено. Их главной обязанностью было участвовать в военных действиях и в набегах. Так прежние возрастные группы превратились в „воинские соединения“». «Подходящее лицо из числа знати, — продолжает автор, — назначалось их „полковником“, а полковник избирал из среды самой молодежи „капитанов“, которые становились командирами „батальонов“»⁶. Аналогичную трансформацию возрастных групп взаимопомощи в юношеские военные отряды отмечают также исследователи Средней Азии⁷.

Возрастные группы не ограничиваются объединением молодежи. «Организованные в рамках возрастного класса старики, — констатирует Ж. Сюре-Каналь, — стремятся укрепить свое положение, удерживая за собой некоторые секреты и некоторые функции, предоставляемые старшим по посвящению людям»⁸. Возрастные группы объединяют также девушек и женщин. Правда, в связи с дислокацией последних в течение большей части жизни в других родах и большей привязанностью к семье, эти структуры оказываются, как правило, гораздо менее прочными, хотя некоторые примеры косвенно свидетельствуют об аналогичных тенденциях развития женских возрастных групп в специфических исторических условиях. Это — матрилинейная организация массагетов в период правления царицы Тамирис, о которой сообщил Геродот; пятитысячная гвардия амазонок, носивших титул «жен царя» при дворе правителя Дагомена, или следы гинекократических структур у туарегов.

Приведенные примеры позволяют заключить, что возрастной принцип консолидации населения, существующий «рядом» с его родственными связями, получает толчок к развитию и становится контуром специфических общественных институтов. Это особенно интенсивно происходит в тех условиях, когда объем организационных задач намного перерастает рамки рода или когда необходимость оперативности при решении текущих задач (например, в процессе ирригации, в ходе военных операций и т. д.) обуславливают тенденцию к уменьшению числа промежуточных звеньев и сокращению «мертвого времени» социальной системы — разрыва между получением сигнала о каких-либо помехах, угро-

⁴ Л. Е. Куббель, Из истории древнего Мали, «Африканский этнографический сборник», V, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. 76, М.—Л., 1963, стр. 61.

⁵ А. Т. Брайнэнт, Зулусский народ до прихода европейцев, М., 1953, стр. 128.

⁶ Там же, стр. 302, 303.

⁷ См. Г. П. Снесарев, О реликтах мужских союзов в истории народов Средней Азии, Доклад на VII конгрессе МКАЭН, М., 1954, стр. 6.

⁸ Ж. Сюре-Каналь, Африка Западная и Центральная, М., 1961, стр. 97.

жающих данному обществу, и принятием необходимых мер для его сохранения⁹.

Такова, видимо, объективная основа и движущая сила развития возрастных объединений эпохи разложения первобытнообщинного строя. Профессиональная дифференциация в это время лишь зарождается на уровне региональных хозяйственных систем, а потому главным внутриплеменным социальным расчленением остаются кровнородственная и поло-возрастная (корпоративная) организация, близкие, но не однозначные, и заключающие в себе противоположные тенденции развития. В этих условиях совокупность возрастных групп мужчин, опирающаяся на специфику сложившегося и нередко табуированного для противоположных групп разделения труда между полами, развивается в мужские союзы. Если один из этих союзов сливается с родо-племенной (кровнородственной) организацией на почве матриархата, то союзы второго типа нередко играют роль своеобразной «внеродовой» оппозиции, постепенно трансформируясь в тайные ритуальные общества; о последних речь пойдет ниже.

Будучи обычно совокупностью возрастных групп определенного пола, мужские и женские союзы, как бы преодолевая возрастные барьеры, осуществляют функцию более широкой интеграции населения для выполнения хозяйственных и общественных дел. Так, Л. Е. Куббель находит возможным говорить о «роли тайных союзов в хозяйственной жизни общины»¹⁰. Тем более это относится к «явным», открытым союзам. Развивая идеи С. П. Толстова, Г. П. Снесарев исследовал роль возрастных групп и мужских союзов в генезисе политической власти. «Из первобытных мужских объединений, — резюмирует он, — наряду с первыми органами „публичной власти“ выкристаллизовывались первичные военные отряды, вынесшие из мужских союзов и возрастной принцип объединения, и характер руководства, и внутреннюю дисциплину, поддерживаемую традиционными правилами товарищества. Основные принципы „дружины“ следует искать именно в рамках мужских союзов»¹¹. Видимо, одним из классических примеров репрессивного аппарата, выросшего из мужских союзов, может служить община спартиатов, господствовавшая над илотами.

Г. П. Снесарев отмечал в относительно изолированных, труднодоступных районах Средней Азии (горный Таджикистан) наличие мужских объединений, не расчлененных по возрасту участников, а в местах оживленных этнических контактов — объединений, распадающихся на группировки сверстников. Он пытался рассмотреть их в генетически-стадиальной связи. «Можно предположить, — пишет он, — что процесс шел по линии постепенного членения ранее объединенных мужских коллективов»¹². Однако с неменьшим основанием можно предположить и обратное, особенно если степень развитости объединений представителей того или иного пола связывать не столько с интенсивностью этнических контактов, сколько со степенью развития привилегий определенного пола в кровнородственной структуре социальных связей.

Большой интерес представляет анализ взаимосвязи этих институтов. И здесь возвращение к истории Зулуленда может добавить некоторые небезынттересные детали. Последние касаются, во-первых, взаимодействия полков ветеранов и молодежи. Из «белых» (имеющих белые щиты) полков ветеранов обычно формировался центральный отряд, принимавший на себя в бою главный удар, а поэтому называвшийся «грудью войска». На флангах располагались молодежные «черные» полки, выдвигав-

⁹ См.: Г. Клаус, Кибернетика и общество, М., 1967, стр. 81.

¹⁰ Л. Е. Куббель, Указ. раб., стр. 61.

¹¹ Г. П. Снесарев, Указ. раб., стр. 7.

¹² Там же, стр. 3.

шие отряды из наиболее горячей и решительной молодежи (так называемые «рога войска») для окружения врага. Во-вторых, речь идет о взаимосвязи мужских и женских «полков» — возрастных групп. Когда выпускали какой-нибудь полк мужчин, последние, намереваясь жениться, надевали головное кольцо. Одновременно старшая женская возрастная группа (иногда вся совокупность свободных женщин) по приказанию верховного вождя завязывала волосы узлом на макушке, что означало готовность к замужеству¹³.

Словом мужские и женские союзы тесно связаны с возрастными группами. В частности, С. А. Токарев, обстоятельно исследовавший мужские союзы Меланезии, видит в последних «высшую и качественно новую форму, в какую перерастают при изменившихся социальных условиях поло-возрастные группы»¹⁴. Вместе с тем они содержат качественно новую тенденцию развития социальной организации, которая наиболее рельефно проявляется в вырастающих на основе этих объединений тайных ритуальных обществах.

«Меланезия кишит тайными обществами, которые то существуют рядом с клубами (союзами мужчин — И. А.), то заступают на их место», — писал в 1900 г. Г. Шурц. Он отмечал также, что «тайные союзы разрастаются из мужских обществ, словно дикие побеги, распространяющиеся во все стороны»¹⁵. Позднее такую же мысль высказал С. П. Толстов: «Тайные союзы генетически связаны с союзами мужчин и системой возрастных классов и инициаций», в свою очередь выванных системой матрилинейной филиации, матрилокального брака и ведущей ролью женщины в общественном хозяйстве»¹⁶.

Ж. Сюре-Каналь пытается пойти дальше и высказывает предположение о механизме этого процесса. Возрастные классы, по его мнению, постепенно стали фиксироваться как ступени посвящения (это вполне в духе родо-племенных систем, где возраст в значительной мере обуславливает социальный статус индивида). И тогда над ними вырастает институт, внешне напоминающий некий «сверхвозрастной» класс, а внутренне трансформирующийся в принципиально иное членение общества: на привилегированных и рядовых. Правда, Ж. Сюре-Каналь полагает, что высшая ступень посвящения охватывает лишь стариков и выливается таким путем в геронтократию. Нам же представляется, что за этим организационным сдвигом проступают контуры гораздо более общей исторической закономерности. Вряд ли имеются достаточно серьезные основания отождествлять складывающуюся прослойку «посвященных» с самой старой частью мужского населения, исключая из нее более молодых по возрасту руководителей. Главное, как справедливо пишет Ж. Сюре-Каналь, в том, что «братство по возрасту уступает место содружеству, комплектующемуся путем кооптации и подготавливающему почву для создания привилегированной аристократии, причем принадлежность к такому содружеству предусматривает уплату довольно значительно взноса»¹⁷.

Иначе говоря, тайные общества находятся где-то на грани, отделяющей организацию социального регулирования первобытнообщинного строя от политической организации подавления и угнетения классово-антагонистического общества. Уже в тридцатых годах советские исследователи справедливо отмечали, что тайные общества «являются организацией, историческая роль которой в процессе становления классового общества учтена еще в ничтожной мере», особенно в процессах кри-

¹³ А. Т. Браунгт, Указ. раб., стр. 129, 303, 307.

¹⁴ С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, № 2, стр. 57.

¹⁵ Г. Шурц, Указ. раб., стр. 136, 137, 139.

¹⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 311.

¹⁷ Ж. Сюре-Каналь, Африка Западная и Центральная, стр. 98.

таллизации функции подавления публичной власти и межплеменной консолидации¹⁸.

Что же представляют собой тайные ритуальные общества? Какова их социальная природа и роль в процессах генезиса эксплуатации и угнетения?

Прежде всего можно со всей определенностью сказать, что речь явно идет о противопоставлении одной части населения другой. Г. Шурц специально подчеркивает «неблагоприятное положение тех, кто не принадлежит к союзу»¹⁹, особенно в периоды осуществления последним своих акций в отношении «непосвященных». Сразу возникает вопрос: не идет ли речь о столь знакомом по литературе²⁰ соперничестве фратрий, не представляют ли собой эти акции тех устрашающих ритуальных «забав» вроде военно-религиозных игр, когда одна из сторон намеренно «нападает» на другую и «обижает» ее. Для постановки такого вопроса есть основания. И в литературе отмечена, хотя, к сожалению, не прослежена достаточно глубоко, «генетическая связь тайных союзов с фратриями»²¹.

Объективной основой связи поло-возрастных объединений и выросших из них тайных ритуальных обществ с фратриями как элементом кровнородственной организации является, можно полагать, в общем-то однородная функция «горизонтального» объединения населения. В то же время эти два типа интеграции социальных систем различаются между собой как по своим составным элементам (индивиды и родственные объединения), так и по характеру их взаимосвязи (функционально-корпоративная и кровнородственная).

И если в греко-римской античной древности именно фратрии и курии стали центрами, «фокусами» общественной жизни и подготовили в своих рамках территориальное единство коренного населения, то на древнем Востоке интеграция социального целого, позднее оформленная и закрепленная в территориальном делении населения, осуществлялась, можно предположить, преимущественно в рамках внеродственных объединений типа возрастных классов внутри мужских союзов. Последнее обстоятельство дает, по нашему мнению, ключ к наиболее убедительному объяснению того факта, что социальное расслоение в целом ряде обществ (древний Китай, Меланезия и др.) развивалось в сторону классовообразования в своеобразной форме социальных рангов, иерархия которых закреплялась в ритуальной символике и терминах старшинства²². Недаром в качестве простейшей, примитивной формы социальной дифференциации в древнейших цивилизациях было передаваемое по наследству «превосходство старших над младшими»²³. В этнографическом плане такая структура зафиксирована, в частности, К. Мелассу у гуру Берега Слоновой Кости²⁴.

Видимо, некоторые из тайных обществ в период интенсивной социальной дифференциации активизируются как организации той части населения, которая оказывается лишенной возможности адекватной защиты своих специфических интересов через кровнородственные каналы данной общественной структуры. По данным Вивиан Пак, у бамбара Ма-

¹⁸ См.: С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 312.

¹⁹ Г. Шурц, Указ. раб., стр. 137.

²⁰ См.: А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964.

²¹ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 310.

²² См. М. В. Крюков, Социальная дифференциация в древнем Китае, сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968, стр. 210 и др.; С. А. Токарев, Указ. раб., «Сов. этнография», 1933, № 3—4, стр. 41 и др.

²³ См.: G. Balandier, *Anthropologie politique*, Paris, 1967, p. 93; C. Coquery-Vidrovitch, *Recherches sur un mode de production africain*, «La Pensée», 1969, № 144, p. 67.

²⁴ Cf. Meillassoux, *Anthropologie économique de Gouro de Côte-d'Ivoire*, Paris, 1964, p. 27.

ли вплоть до недавнего времени параллельно существовали четыре тайных общества мужчин (Вара, Дута, Наго и Нья) и два аналогичных женских объединения (Ньягуа, Кулукуту)²⁵.

У туарегов же Сахары, где патрилокальность утвердилась сравнительно недавно, женщины, «отдав» официальную власть мужчинам, создали своеобразные женские общества с тайным музыкальным языком и даже неизвестным мужчинам «ленточным» письмом тифинаг.

Но при обращении к поздним тайным обществам подобное толкование их становится все менее удовлетворительным. Что же изменяется в их структуре и функциях?

В структуре этих объединений усиливается персонализация и тенденция к членению на группы со строго установленным количественным составом. Персонализация проявляется в индивидуальном приеме в тайное ритуальное общество лица, прошедшего определенную подготовку и выдержавшего соответствующие испытания (явный элемент возрастных инициаций, но теперь уже не связанный с возрастом посвящаемого), и имеет своим противовесом деперсонализацию, полное «растворение» посвященного в данном объединении, беспрекословное подчинение его дисциплине, обычаям и ритуалам товарищества.

Фильтр «лучших» осложняется еще одним обстоятельством, принципиально новым для первобытнообщинных институтов. Посвящаемый должен в одиночку, самостоятельно, т. е. без помощи родственников, угостить своих «тайных братьев» или сделать взнос в общую казну братства. В принципе угощение и раздача имущества типа «потлача» у индейцев северо-западного побережья Америки, тщательно проанализированного Ю. П. Аверкиевой²⁶, как будто не выходят за пределы обычаев, свойственных поздним этапам первобытнообщинного строя. Однако следует помнить, что они устраивались всем родом, затем вождем, либо «большим человеком», либо семьей, которая нуждалась в помощи рода или получила ее, но не индивидом как таковым. Кроме того, объектом угощения и одаривания был целый род или по крайней мере родственная группа, принявшая или должная принять участие в том или ином хозяйственном или общественном мероприятии.

Теперь же индивид, порывая с кровнородственными узами, выступает как субъект с персонально взятыми обязательствами и личной ответственностью за свои действия. А поскольку индивид, помимо собственного участия в деятельности тайного ритуального общества, вносит определенный взнос в казну, богатство этого индивида, которое, кстати, часто не соответствует его месту в кровнородственной иерархии, делает его особенно желанным в тайном ритуальном товариществе.

Постепенно зарождается также количественное членение «тайных братьев» на пятерки и «сороковки» (например, сорок тайных святычильтанов на средневековом Востоке)²⁷, десятки и производные от них сотни, тысячи, тьмы. Интересно, что эта десятиричная организация с удивительным универсализмом прослеживается в самых различных регио-

²⁵ V. Rague, *Les Bambara*, Paris, 1954, pp. 84—86.

²⁶ См.: Ю. П. Аверкиева, К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, «Американский этнографический сборник», I, ТИЭ, т. LVIII М., 1960, стр. 67—73 и др. Видимо, более поздним реликтом аналогичного «потлачу» института можно считать некогда отмечавшийся в Дагосте «Праздник обычаев», выступавший своеобразной формой демонстрации и частичного перераспределения излишков (С. Coquery-Vidrovitch, Указ. раб., стр. 74). В наши дни подобные традиции отмечены в тоголезских деревнях (J.-C. Froelich, *Le paysan noir et le défi moderne*, «Civilisation», vol. XIX, Bruxelles, 1969, № 4, pp. 456—463).

²⁷ В арабской сказке об Али-Бабе и сорока разбойниках последние (в этом трудном не согласиться с С. П. Толстовым) выступают как тайное братство, имеющее общую казну — пещеру с сокровищами и даже элемент тайного языка — вещее заклинание «сим-сим», открывающее посвященному дверь в пещеру (С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 312).

нах древнего мира от Китая до Рима. Может быть, именно в этой деперсонализации индивидов — членов тайных ритуальных товариществ — кроется сущность той железной организации и фанатичной энергии, какими характеризовались на ранних этапах своего существования все мировые религии? Разве от углубляющейся пропасти между посвященными и непосвященными так уж далеко до фанатически экзальтированной ненависти правоверного к неверному?

Словом, перенесенная из возрастных братств и объединений индивидов одного пола традиция взаимопомощи преодолевала в тайных ритуальных товариществах кровнородственную ограниченность, трансформировалась в мистической, окутанный ритуалами фанатизм. Иначе говоря, доминирующая при первобытнообщинном строе кровнородственная организация населения отягощается в рамках открытых, а тем более тайных корпоративных объединений своей противоположностью — организацией индивидов, основанием которой является совместное осуществление ими тех или иных общественных функций в принципе вне зависимости от кровнородственных связей и барьеров.

И наконец, о социальной природе мистицизма и таинственности, окутывавших деятельность тайных ритуальных обществ и являвшихся одним из самых характерных их признаков. Искусственная таинственность как социальный феномен часто встречается в истории древности и средневековья. Объективно она представляет собой паразитирование верхушечных социальных групп на глубоком невежестве основной массы населения. Путем создания напряженных социально-психических ситуаций эти верхушечные слои манипулируют поведением значительных масс людей, нередко провоцируя массовые психозы и даже психические эпидемии.

В последние годы в советской научной литературе справедливо поднят вопрос о социально-психологическом аспекте всемирной истории, который включает в себя исследование таинственности и связанных с нею социально-психологических феноменов страха и устрашения, особенно рельефно окрашивающих события ранних ступеней истории.

Тайные ритуальные товарищества буквально сотканы из этих социально-психологических тенденций. Их таинственность обусловлена, во-первых, стремлением скрыть факт нарушения кровнородственной солидарности, обезопасить себя от наказания со стороны руководителей рода и, быть может, от мести тотемов. Действительно, в церемониях и ритуалах «братья» участвуют переодетыми (причем в «тайной» одежде проявляется тенденция унификации), называют друг друга «тайными» именами и обмениваются «тайными» условными знаками и командами, что сводит на нет риск быть узnanными непосвященными и гарантирует определенную безопасность от возможных репрессий со стороны руководства кровнородственной организации.

Второй аспект таинственности ритуальных братств заключается в функции устрашения непосвященных. Кровную месть за ритуальные убийства во время церемоний или в ходе «тайных» расправ конкретно адресовать некому, тем более, что такое товарищество не является совокупностью родственников, а передевание и ритуальная экипировка деперсонализируют участников репрессий.

«Скрытность» членства в тайных ритуальных товариществах позволяет его руководителям получать необходимую информацию о различных аспектах социальной жизни, особенно о деятельности кровнородственной организации, оперативно и «метко» совершать акты террора и другие акции. Это еще более разлагает кровнородственные структуры и связи, порождая подозрительность, опасение «невидимых» глаз и ушей братства и снижая общественную активность в рамках кровнородственной организации. Чтобы в полной мере оценить значение устрашающих масок и мистических ритуалов тайных обществ (например, «прокусывание» сонной артерии жертвы щипцами, по форме копирующими след зубов пан-

теры в африканском тайном союзе Эгбо и т. п.), надо принять во внимание терзаемую множеством табу, подавленную вечным страхом психику глубоко невежественного человека той эпохи.

Кстати, механизм устрашения был не только формой регулирования отношений с непосвященными, но пронизывал и внутрикорпоративные связи. В тайных союзах всемерно поддерживался страх перед коллективной мстостью братства в случае малейшего отступления от его устава и неповиновения руководству.

Возникновение и развитие тайных ритуальных объединений объективно порождает притязания верхушечных групп, узурпирующих определенные общественные функции, на монополию публичной власти, до сих пор сосредоточенной в рамках кровнородственной организации и в руках родовых старейшин. Это ведет к раздвоению публичной власти в эпоху крушения первобытнообщинного строя, к ее разделению между двумя соперничающими системами организации общественной жизни. «Мужские союзы представляют собой только одну из форм господства верхнего господствующего слоя. Другой такой формой является институт вождей», — пишет о Меланезии С. А. Токарев, отмечая далее, что это «раздвоение власти... связано с расщеплением первобытно-коммунистической общины на территориальную и родовую»²⁸. Складывается своего рода двоевластие, ведущее к противоборству кровнородственной и ритуально корпоративной организаций, продолжающемуся до тех пор, пока «генетическая» социальная революция (С. П. Толстов) не поставит на место этих систем политическую организацию общества и государство.

Сила кровнородственной организации публичной власти — в относительной всеобщности и демократичности общественного управления и социального контроля. Что же касается ритуальной корпоративной организации публичной власти, при которой «новые группы... создали новые органы для защиты своих интересов»²⁹, то для нее характерна выработка не связанных с кровнородственными отношениями, а потому особенно эффективных средств принуждения и насилия. Эти средства совершенно чужды классическому родовому строю, опирающемуся в регулировании межличностных отношений на убеждение и личный пример. Характерно, что Ф. Энгельс, анализируя возникновение Афинского государства, специально отметил беззащитность и бессилие родовых институтов перед наступлением социальной дифференциации и ростовщичества, перед корпоративными привилегиями ряда общественных групп: «Одним словом, родовой строй подходил к концу. Общество с каждым днем все больше выросло из его рамок; даже худшие из зол, возникавших на глазах у всех, он не мог ни ограничить, ни устранить»³⁰. В результате народные массы оказались как бы между двух огней — оторвавшейся уже от народа родовой верхушкой и корпорациями крупных собственников и ростовщиков.

Итак, ритуальные корпоративные объединения развивают в публичной власти не столько функцию защиты общественных интересов, сколько функцию устрашения и подавления. Видимо, имея в виду именно эту сторону дела, С. П. Толстов характеризует тайные союзы как «террористические организации, осуществляющие примитивные функции публичной власти», охраняющие зарождающуюся собственность, обуздывающие межплеменные распри мерами религиозного, а иногда и физического террора, обеспечивающие подчинение непосвященных, рабов и женщин³¹. Кстати, еще раньше эта мысль была высказана С. А. Токаревым, писавшим в 1933 г. о выполнявших «функции общественной власти» тай-

²⁸ С. А. Токарев, Указ. раб., «Сов. этнография», 1933, № 5—6, стр. 14, 15.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 114.

³⁰ Там же.

³¹ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 311.

ных мужских союзах Меланезии. Он отмечал, что они «являются орудиями господства верхнего общественного слоя, надстройкой над экономической разлагающегося первобытно-коммунистического общества» и «отражают те противоречия, которые растут в этом обществе»³². Причем С. А. Токарев тогда же сделал попытку наметить основные формы осуществления этого господства верхушки с помощью тайных мужских союзов: «Если дукдук при этом можно сравнить с судебными административными органами господства командующего класса в классовом обществе, то ингиет напоминает в том же смысле церковную организацию последнего»³³.

Более раннюю ступень развития тайных ритуальных союзов, характеризующуюся значительным синкретизмом функций собственно организации общественной жизни и осуществления давления на определенные слои населения в интересах других, фиксируют исследователи доколониальной Африки южнее Сахары. «Важным элементом социальной организации многих африканских племен доколониального периода были тайные ритуальные объединения, определяемые как братства или корпорации. Некоторые из них сохранились до наших дней», — пишет польский африканист Ш. Ходак³⁴. «Велика была их роль, — продолжает автор, — в поддержании общественной дисциплины и порядка... Одной из важных функций этих организаций был контроль за системой власти, деятельностью королей и вождей, ограничение их авторитаризма. Эти объединения выступали также в качестве институтов правосудия (конечно, не в смысле современной юстиции) и как средство обеспечения соблюдения обычаев»³⁵.

Ж. Сюре-Каналь, признавая, что эти внеродственные объединения периода интенсивного разложения первобытнообщинного строя выполняют функцию публичной власти, добавляет следующее: «Власть эта используется для контроля над соблюдением обычаев, но она может быть направлена и на закрепление обычаев, выгодных высшим должностным лицам, с целью замены первобытной демократии геронтократией (господством стариков)»³⁶. Единственно, что в приведенной фразе определенно вызывает сомнение, это абсолютизация одного из возможных вариантов крушения основанной на кровном родстве первобытной демократии.

Публичная власть, начавшая отделяться (в рамках внеродственных мужских и тайных союзов) от основной массы населения, первоначально лишь карала нарушение обычаев и брала на себя труд их толкования. Технически примитивный аппарат связи обуславливал то, что власть распространилась лишь «на сравнительно узкие границы и узкий круг действий»³⁷. Если внешняя функция публичной власти, помимо родоплеменных военных акций, осуществлялась через систему традиционных возрастных групп, как у зулусов, или путем создания привилегированных организаций-клубов типа ацтекского «союза орлов» из самых смелых и удачливых воинов³⁸, то ее внутренние функции подавления начинались с интерпретации родовых традиций и обычаев, применения соответствующих санкций за отступление от установленных норм. «В древности, —

³² С. А. Токарев, Указ. раб., «Сов. этнография», 1933, № 3—4, стр. 81.

³³ Там же.

³⁴ Sr. Chodak, *Struktura systemów politycznych «charnej» Afryki*, «Państwo i prawo», Warszawa, 1962, № 3, s. 416.

³⁵ Там же, стр. 416, 417.

³⁶ Ж. Сюре-Каналь, Африка Западная и Центральная, стр. 98.

³⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 74.

³⁸ См.: Р. В. Кинжалов, Ацтекское золотое грудное украшение, К вопросу о ювелирном искусстве древней Мексики, «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XIX, Л., 1960, стр. 217—219.

писал Ф. Энгельс, — вся публичная власть в мирное время была исключительно судебной властью»³⁹.

Будучи в значительной мере освобожденными от кровнородственных связей, тайные ритуальные организации (так же, как в регионах с интенсивной инкорпорацией иноплеменников — «чужие» и нередко даже рабы) особенно удобны в качестве складывающегося средства социального принуждения по отношению к объединенным кровнородственными узми «своим».

«Как и на Новой Британии, мужские союзы на о-вах Банкс, — по свидетельству С. А. Токарева, — местами почти заменили собой вождей в качестве органов власти. Можно было быть наследственным вождем; но если вождь не занимал высокого ранга в Сукве и Тамате, он не имел и малой доли того веса и власти, каким располагали члены высших рангов в этих союзах. Только заняв в них высокое место, вождь получал подлинную власть»⁴⁰.

Приведенный выше тезис Ф. Энгельса дает объяснение тому факту, что наибольшего развития достигли те из ритуальных организаций, которые трансформировались в своего рода тайные судебные коллегии и трибуналы. В Сьерра-Леоне ритуальное общество Пурра играло именно такую роль по отношению ко всем племенам, с которыми оно было связано. Одной из его важнейших функций было взыскание долгов и наказание неисправных должников, другой — подавление межплеменной розни. В выполнении акций второго рода «мощный карательный аппарат» составляли все члены Пурра нейтральных племенных групп, которые ночью, вооруженные и одетые в устрашающие маски, нападали на деревню виновного племени. Половина награбленного имущества шла в казну Великого Пурры и на вознаграждение участников нападения, другая половина — на возмещение ущерба племени, «обиженного» жертвой расправы⁴¹. Превентивные меры против местнических тенденций родовой верхушки с целью «расчистки» торговых путей к побережью океана, а также взыскания долгов с помощью «замаскированных сыщиков» осуществляло тайное ритуальное общество Эгбо («Пантера») в Камеруне. «Даже старейшины племени, — отмечает Г. Шурц, — оказываются бессильными если только они не занимают соответствующего ранга в союзе Эгбо»⁴², причем право перехода в более высокий ранг нередко можно купить.

Словом, налицо тенденция слияния родовой верхушки с руководством тайного ритуального братства. Впрочем, более рельефно она, пожалуй, проявляется в деятельности мощного межплеменного тайного общества Мумбо Джумбо у мандинго. Наряду с регулированием межплеменного сотрудничества, его задачей был контроль за соблюдением обычаев и охрана тем самым привилегий родовой верхушки. Последней удалось проникнуть в руководство тайного братства и «помириться» с ним, подчинив его своему влиянию. В целом же анализ судебных и карательных функций тайных ритуальных организаций свидетельствует о том, что последние, как правило, стоят на страже интересов складывающихся крупных собственников и лиц, сосредоточивающих в своих руках посреднические и обменные функции, обеспечение и охрану безопасности торговых путей, пролегающих по территории многих племен и т. п. Так формируется их классовая направленность.

Вместе с тем было бы ограниченным и не соответствующим действительности представление о ритуальных тайных обществах как лишь о послушных орудиях в руках племенной верхушки. Это только один аспект

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 336.

⁴⁰ См. «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 456.

⁴¹ См.: С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 312, 313.

⁴² См.: Г. Шурц, Указ. раб., стр. 138, 139, а также «Народы Австралии и Океании», стр. 452.

их сущности. Другой, противоположный, аспект заключается в том, что простые труженики получили в них и надолго сохранили готовую форму сплочения и сопротивления эксплуатации, причем форму, сравнительно свободную от узко локальных и кровнородственных ограничений.

Это неоднократно подтверждала история. Движение карматов и восстание Муканны, потрясшие в IX в. Ближний и Средний Восток, широко опирались на сохранившиеся в труднодоступных районах тайные ритуальные братства. Огромное влияние на местное население тайных братств оживило эти социальные движения и придало им глубоко народную окраску. «Первобытный тайный союз карматов, связанный с фратрией змей, пережив в глуши деревень, в глубине арханческих сельских общин ахеменидскую, парфянскую и сасанидскую эпохи, вышел в IX веке, разбуженный громом великой войны рабов, из недр забвения и стал мощным оружием в руках восставших во имя первобытнообщинного прошлого древних общин земледельцев»⁴³.

* * *

Признание принципа взаимообусловленности кровнородственных и функционально-корпоративных организаций открывает путь к анализу остающихся еще в тени аспектов зарождения социальной борьбы в глубоких недрах истории, в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классово-антагонистическому обществу. В свою очередь, изучение этих аспектов приносит новые подтверждения чрезвычайно важному и отнюдь не лишнему актуальности выводу Ф. Энгельса о том, что даже в самых мирных, «хозяйственных» формах, переход от первобытнообщинной формации к классово-антагонистическому обществу (как и всякий вообще переход от одной общественно-экономической формации к другой) неизменно предполагает применение насилия одних общественных групп по отношению к другим и никогда не может быть ничем иным, кроме как социальной революцией.

ON THE NATURE OF SOCIAL LINKS IN THE TRANSITION PERIOD FROM THE PRIMITIVE SOCIETY TO CLASS SOCIETY

The interaction of different systems of social organization and social control in the transition period from the primitive society to antagonistic class society is analyzed in the article. The social processes of the period are investigated as well as the interrelation between age societies, men's clubs and secret societies. Since these are in many ways the opposite of organization by blood kinship, research into their interaction helps to gain a nearer approach to the problem of the origin of antagonistic class society.

⁴³ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 336.
